

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
на 3 мѣсяца. 5 франк.
» 2 мѣсяца. 4 »
» 1 мѣсяць 2 »

ВЫХОДИТЬ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦѢ
1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные номера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal « LA PAROLE LIBRE », Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

1ое ІЮНЯ 1882

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Отъ Редакціи. — 2) Роковой вопросъ. — 3) «Que faire?» въ «Nouvelle Revue». — 4) Священная Лига и добровольцы охраны. — 5) Охрана духа. — 6) Пропски меликовцевъ. — 7) Политическія сообщенія «не столь вредныя». — 8) Нѣсколько мыслей по вопросу «что дѣлать?». — 9) Наканунъ терроризма, Л. Бондп. — 10) «Народная Воля» о централизаци революціонной борьбы въ Россіи (окончаніе), М. Драгоманова. — 11) Документы, характеризующіе взаимныя отношенія властей и политическихъ административно-ссылныхъ. — 12) Передъ коронаціей (корреспонденція «Вольн. Слова»), Б. Д. — 13) Броженіе въ еврейской массѣ подъ вліяніемъ кровавыхъ событій послѣдняго времени, М. — 14) Изъ Бѣлграда (корреспонденція), В-ча. — 15) Два слова объ «интеллигентныхъ пустышникахъ». — 16) Хроника социально-экономической борьбы: Аграрный вопросъ въ Ирландіи (окончаніе). — 17) Выплография: брошюра «Alexandre II»; «Манифестъ Коммунистической партіи». — 18) Извѣстія и замѣтки: О кустарной промышленности въ Россіи; день коронаціи; аграрное движеніе въ Румыніи. — 19) Изъ централизованной страны, М. Д. — 20) Опечатки. — 21) Объявленія.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Во избѣжаніе неудобства раздѣленія статей, мы должны были отложить до слѣдующаго № второе «Письмо о социально-политическихъ партіяхъ во Франціи».

Женева, 1 іюня 1882 г.

Нѣтъ теперь такого слоя населенія въ Россіи, который бы не находилъ настоящаго положенія этой страны невыносимымъ. Всѣ задаютъ себѣ на разные лады вопросъ: «Что дѣлать?», чтобы выйти изъ этого положенія? Случай свелъ въ настоящемъ номерѣ нашей газеты присланную намъ статью подъ заглавіемъ «Что дѣлать?» и разборъ консервативной статьи о русскихъ дѣлахъ подъ тѣмъ же заглавіемъ въ «Nouvelle Revue». Въ помѣщенной въ сегодняшнемъ же № статьѣ «Наканунъ терроризма» читатель увидитъ, какъ этотъ же вопросъ: «Что дѣлать?» ставился въ революціонныхъ кру-

гахъ въ Россіи, прежде чѣмъ они вступили на дорогу «терроризма». Собственно тотъ же вопросъ ставится и въ напечатанной дальше статьѣ г. Драгоманова, разбирающей отвѣтъ на него органа «террористовъ» — «Народная Воля».

«Сохранить основу теперешняго политическаго строя—самодержавіе, но только обставить его честною и просвѣщенною бюрократіею, преимущественно изъ зажиточныхъ классовъ», — такъ отвѣчаютъ на этотъ вопросъ искренніе консерваторы. — «Низвергнуть царское самодержавіе!» — такъ рѣшилась, послѣ долгихъ колебаній, отвѣтитъ на этотъ вопросъ наиболѣе активная часть русскихъ социалистовъ, послѣ того, какъ это самодержавіе разбило страстныя надежды этихъ послѣднихъ слиться съ народомъ и передать ему свои идеи. Но, предпринимая борьбу противъ стараго начала, царскаго самодержавія, — русскіе террористы сохраняютъ его же орудія, — между прочимъ, централизацию, которая не мыслима безъ бюрократіи со всѣми ея неизбѣжными особенностями и послѣдствіями.

Авторъ помѣщаемой у насъ статьи «Что дѣлать?» показываетъ, что на этомъ пути невозможно осуществить честное стремленіе, охватившее съ нѣкотораго времени значительную часть російской интеллигенціи: «пойти въ народъ», служить ему, — и что, напротивъ, оно осуществимо только при децентрализаци, при автономіи волостей, областей и націй, какъ естественныхъ народныхъ кадровъ, въ которые должна пойти интеллигенція, чтобы жить въ нихъ и работать вмѣстѣ съ народомъ.

Говоря тоже самое, нашъ постоянный сотрудникъ прибавляетъ: въ Россіи даже и приступить къ широкой борьбѣ противъ царскаго самодержавія нельзя иначе, какъ ставъ на почву децентрализаци, начавши отъ федеративнаго устройства самихъ революціонныхъ элементовъ.

Намъ нѣтъ надобности говорить, насколько мы раздѣляемъ это мнѣніе. Консерваторамъ мы отвѣчаемъ въ статьѣ, помѣщаемой вслѣдъ за симъ. Революціоннымъ же централистамъ мы напомнимъ только слова извѣстнаго французскаго борца за свободу, Эдг. Кине, сказавшаго имъ при обзорѣ дѣйствій централизаторовъ-террористовъ времени великой французской революціи: «очень опасно употреблять старые способы дѣйствія, такъ какъ они почти неизбѣжно приводятъ къ возстановленію подъ другими формами старыхъ явленій» *).

Новѣйшая книжка «La Nouvelle Revue» (отъ 15 мая) принесла намъ новую статью русскаго автора о положеніи дѣлъ въ Россіи, озаглавленную «Что дѣлать?» (Que faire?) и написанную, какъ отвѣтъ на статью, напечатанную въ февралѣ въ томъ же обзорѣ. Новая статья, написанная съ большею, чѣмъ первая, ясностію и энергіею, гораздо интереснѣе первой, которой, впрочемъ, представляетъ то сродство, что и она сильнѣе въ своей отрицательной сторонѣ, чѣмъ въ положительной. Въ новомъ русско-французскомъ литературѣ, такимъ образомъ, мы видимъ опять образчикъ своего рода нигилиста, разрушителя. И надо отдать ему честь, — онъ наноситъ ударъ существующему порядку вещей съ откровенностію и силою весьма педюжипною, не останавливаясь даже и передъ «священными» личностями монарховъ, и, при всемъ своемъ монархизмѣ, признавъ, что Россія и теперь, какъ во времена Гостомысла, «велика и обильна (ну, обилія теперь, положимъ, немного!), но порядку въ ней нѣтъ», — обращается за порядкомъ не къ князьямъ, а «къ прессѣ, какъ самому

*) Le danger est grand de se servir des anciens moyens, parce qu'ils ramènent presque infailliblement, sous d'autres formes, les choses anciennes. (La Révolution, II, 238.)

шествовавших порождению терроризма. Там можно было найти все, начиная с европейского и кончая пугачевским социализмом, от идей революции 1793 г. до набросков политической программы террористов включительно (Листокъ «Земли и Воли», № 4, по поводу покушения Соловьева). «Политика» занимала въ «Земли и Воли» видное мѣсто, отъѣсня социализмъ все далѣе и далѣе на задній планъ, что привело наконецъ къ распаденію «Земли и Воли» на двѣ газеты: «Народную Волю», преемницу политическихъ тенденцій «З. и В.», органъ сложившейся уже группы террористовъ, и «Черный Переделъ», унаследовавшій социалистическія идеи «Земли и Воли» съ ея сомнительною истинностью понятій о социализмѣ въ приложеніи къ Россіи.

До сихъ поръ я показалъ, какъ зародился политическое направленіе въ русской социалистической партіи и какимъ образомъ часть молодежи, выдѣлившись изъ нея, сложилась въ особую политическую группу. Какъ же и въ чемъ на первыхъ порахъ выразились тенденціи этой группы? Какимъ образомъ она приступила къ достиженію политической свободы, признанной ею безусловно необходимой для прогресса ея родины? Былъ ли терроризмъ тотъ путь, на который она вступила съ перваго шага въ своей дѣятельности для разрушенія абсолютизма и достиженія политической свободы? Такъ думаютъ противники терроризма и его заграничные защитники: по крайней мѣрѣ, ни тѣ, ни другіе никогда не упоминали о другой политической дѣятельности молодежи. Если бы это было такъ, то террористы въ самомъ дѣлѣ заслуживали бы тогда упрека въ томъ, что взились за такое крайнее средство, какъ политическое убійство, не испробовавъ сначала другихъ болѣе умѣренныхъ, менѣе губительныхъ. Но въ дѣйствительности къ терроризму прибѣгли только тогда, когда не видѣли передъ собой другаго пути къ достиженію своей цѣли — политической свободы.

Когда часть молодежи рѣшилась добиваться политической свободы, естественно у нея явилась мысль искать себѣ союзниковъ въ тѣхъ слояхъ общества, которые болѣе всего недовольны существующимъ политическимъ строемъ, для которыхъ политическая свобода цужие всего. Въ Россіи мало кто доволенъ настоящимъ абсолютистскимъ режимомъ, — развѣ вотъ только кулаки всякаго рода, разоряющіе народъ подъ прикрытіемъ этого режима. Все же прочіе классы, сознательно или безсознательно, противъ существующихъ политическихъ отношеній. Земства, либеральная пресса, либеральная адвокатура — вотъ элементы, болѣе и сознательнѣе всего недовольные этими отношеніями. Съ ними то и вступили въ переговоры политики изъ молодежи, призывая ихъ къ солидарной работѣ для достиженія общей для нихъ цѣли — политической свободы. Они предлагали соединить ихъ энергію, ихъ выдержку въ борьбѣ, ихъ тайныя средства (типографію, тайныя пути сношеній и пр.) съ вліяніемъ въ обществѣ «либераловъ» и ихъ силою, какъ массы, — чтобы добиться того, что признано всѣми образованными людьми настоятель-

пой потребностью Россіи. Они пытались вывести «либераловъ» изъ ихъ косности и перенести отъ либеральныхъ разговоровъ шепоткомъ къ энергическому дѣйствію, стремились побудить ихъ къ организаціи.

Не время еще фактически и детально разсказывать о попыткахъ молодежи въ этомъ направленіи. Въ нихъ принимали участіе самые активные и серьезныя кружки молодежи и многіе изъ тѣхъ, которые погибли впоследствии на висѣльницѣ или гибнуть на каторгѣ, какъ террористы. Для себя они ничего не требовали: они желали быть только честными союзниками «либераловъ», стоящими даже на заднемъ планѣ въ виду сравнительной легальности предполагавшейся борьбы. Сама «Земля и Воля», органъ на половину социалистическій, способствовала распространенію требованій либеральныхъ земствъ, печатая ихъ отвѣты на знаменитое правительственное сообщеніе 1878 г., призывающее общество на борьбу съ крамолой. Относясь критически къ тону этихъ отвѣтовъ и стремленію земствъ опереться на государство, а не на народъ, «Земля и Воля» все же находила ихъ фактомъ, въ высшей степени достойнымъ вниманія. Въ тайной петербургской типографіи печатались прокламаціи съ конституционными требованіями отъ имени умѣренныхъ либераловъ *).

Одно время усилія политической молодежи, посылавшей своихъ делегатовъ въ различные земства, казалось, готовы были увѣнчаться успѣхомъ: множество представителей различныхъ земствъ проектировали коллективное заявленіе правительству, домогающееся политической свободы, и даже рѣшились устроить политическую демонстрацію въ Петербургѣ, приславъ туда для этой цѣли своихъ делегатовъ. Но ничего изъ этого, какъ извѣстно, не вышло. Неуспѣлись ли либеральные земцы мезальянса со вчерашними социалистами? или у нихъ не хватило мужества добиваться того, что сами же они считали безусловно необходимымъ? или просто ихъ опять одолѣлъ тотъ непробудный сонъ, которымъ спитъ Россія уже цѣлые вѣка? Какъ бы то ни было, сношенія молодежи съ «либералами» были прерваны; она опять увидѣла себя одинокою съ своею тяжелой задачей. Приходилось разсчитывать только на свои силы, чтобы сломить тотъ безобразный колоссъ на глиняныхъ ногахъ, который называется русскимъ государствомъ. Отступитъ или идти впередъ? Отступитъ они не могли: люди убѣжденные и страстные не останавливаются передъ первой неудачей. Нужно избрать только новый путь... Правительство своей борьбою противъ нихъ, борьбою при помощи висѣльницъ, централокъ, рудниковъ, само натолкнуло ихъ на аналогическій путь борьбы противъ себя: мирные политики взяли въ руки револьверъ и кипжали, запаслись динамитомъ — и стали тѣми страшными террористами, которые возбуждаютъ удивленіе всего міра своей отчаянной отвагой и наводятъ ужасъ на самого царя, окруженнаго лѣсомъ нитковъ, и держать его взаперти въ четырехъ стѣнахъ загородныхъ дворцовъ. При всеобщемъ равнодушіи и

*) Нѣкоторые изъ этихъ прокламацій были, впрочемъ, написаны самими же революціонерами.

инертности, борьба противъ абсолютизма кровавыми средствами была необходима — она и явилась.

Чья вина? Кто отвѣтственъ за жертвы террористической борьбы? Тѣ, которые могли бы предотвратить ее своимъ умнотворяющимъ вниманіемъ, но которые предпочли оставаться спокойными зрителями гекатомбъ, приписанныхъ во всѣхъ углахъ Россіи тупому, мертвящему абсолютизму; то либеральнѣющее общество, которое прекрасными словами прикрываетъ свое отсутствіе твердыхъ убѣжденій и воли, свою инертность.

И терроризмъ не можетъ остановиться никакими казнями, никакими каторгами: всегда найдется въ Россіи достаточно людей, которые, глубоко проникшись идеей свободы и не находя иного пути борьбы за нее, какъ терроризмъ, возьмутся за револьверъ. Правительство же, повидимому, не склонно отступить, увлекаясь пелѣною мечтою перевѣшать всѣхъ, у кого въ груди живетъ страстная и активная любовь къ свободѣ. Только одно либеральное общество и можетъ положить конецъ терроризму, вступивъ въ энергическую борьбу за политическую свободу. Только одно широкое общественное движеніе и въ состояніи прекратить эту кровавую драму, разыгрывающуюся въ Россіи вотъ уже три года, — движеніе, высоко поднявшее знамя борьбы за неотъемлемыя, коренныя права лица и общества. Только такое движеніе, съ энергіей ведомое обществомъ, и можетъ убить терроризмъ и не въ силу конкуренціи энергій, какъ полагаютъ г. Драгомановъ («В. С.», № 34), а потому что, разъ такое движеніе началось, террористической партіи ничего не остается, какъ сказать — «нынѣ отпущаеши»: она начала эту «братоубійственную войну», которая для нея гораздо болѣе печальна, чѣмъ для правительства» (рѣчь Исаева, «В. С.», № 36), лишь потому, что попытка ея вызвать подобное движеніе не увѣчалась успѣхомъ.

Л. Бонди.

„Народная Воля“ о централизаціи революціонной борьбы въ Россіи.

(Окончаніе).

Прежде чѣмъ приступить къ критикѣ соображеній «Народной Воли» о централизаціи и децентрализаціи революціоннаго дѣла въ Россіи, мы должны разобрать, по необходимости кратко, соображенія «Н. В.» или, лучше сказать, ея упованія на счетъ возможности въ настоящую минуту одновременнаго завершенія въ Россіи переворота политическаго и социально-экономическаго. Намъ эти упованія кажутся далеко не такъ основательными, какъ сотрудникамъ «Н. В.» Прямѣры всего міра показываютъ, что даже при гораздо болѣе степеніи развитія и организаціи, чѣмъ та, на которой стоятъ чернорабочія массы въ Россіи, народы еще до сихъ поръ не сдѣлали столь радикальныхъ переворотовъ социально-экономическаго порядка, какъ перевороты, ожаждаемый «Н. Волей». Конечно, крестьяне въ Россіи толкуютъ теперь о всеобщемъ передѣлѣ земли, но мысль

объ этомъ, передѣлѣ обставляется у нихъ крайне фантастическими подробностями и въ большинствѣ мѣстностей выражается въ ожиданіи передѣла по указу царя,—такъ что отъ этой мысли до дѣйствительнаго передѣла, а тѣмъ болѣе до отмѣны частной собственности въ землѣ и фабрикахъ и до организациіи народнаго хозяйства по идеалу социалистовъ (безъ чего экономическое неравенство тотчасъ же возстановливается) еще очень и очень далеко. Собственно, мысль о всеобщемъ передѣлѣ земли и не нова въ російской крестьянской средѣ. Уже во время эмансипаціи крестьянъ въ 60-е годы въ этой средѣ ходили ожиданія и слухи о «новой волѣ», о «постоящей волѣ», «царскомъ выкупѣ», «слушномъ часѣ» и т. д.,—и что же? Быть можетъ, именно потому, что эти чаянія связывались съ вѣрой въ сигналъ и указъ отъ царя и вообще со стороны, — они не получили ровно никакого реальнаго политическаго значенія, а остались только какъ примѣры крестьянскихъ политическихъ суетврій. Теперь экономическія отношенія въ Россіи нѣсколько обострились,—хотя, съ другой стороны, въ поддержку принципа собственности приготовился извѣстный классъ крестьянъ личныхъ собственниковъ,—но и теперь мечты крестьянъ о всеобщемъ передѣлѣ могли бы получить широкое политическое значеніе только въ томъ случаѣ, если бы изъ нихъ можно было удалить всякія надежды на царя (русскаго, или китайскаго!), замѣнивъ ихъ мыслью о собственной инициативѣ. Невидно, чтобы эта послѣдняя мысль вырабатывалась самими крестьянами въ Россіи (особенно въ центральной) въ широкихъ размѣрахъ; образованныхъ же пропагандистовъ этой мысли слишкомъ мало въ Россіи, и именно трудность для нихъ доступна до народнои массы, при теперешнемъ политическомъ строѣ Россіи, и была одною изъ главныхъ причинъ, которыя обратили социалистовъ этой страны на путь борьбы за политическую свободу. Очевидно, что если въ Россіи теперь и можно (по нашему, должно) ждать народныхъ волненій, то вовсе не такихъ, которыя бы были въ состояніи радикально измѣнить социально-экономическій строй такъ, какъ онъ еще не измѣненъ нигдѣ,—а только такихъ, какія были, напр., во время великой французской революціи, — которыя пугали правительство, дезорганизовывали господствующую политическую систему и облегчали возможность наиболѣе организованнымъ политическимъ элементамъ, ей противнымъ, захватывать власть, между прочимъ и для того, чтобы «возстановить порядокъ». Подобное значеніе уже начинаютъ имѣть пылкіе «противуеврейскіе безпорядки» на югѣ Россіи, которые должны бы, кажется, показать, что, при настоящей степеніи развитія и организациіи народныхъ массъ въ Россіи, возстанія ихъ могутъ имѣть только отрицательное значеніе и при томъ далеко не радикальное. А еще не слѣдуетъ забывать, что противуеврейскія волненія происходятъ въ странѣ, въ которой крестьянскія массы наименѣе забиты вѣковымъ крѣпостнымъ правомъ и наименѣе воспитаны преданіями монархической исторіи, чрезъ которую прошли массы областей бывшаго московскаго государства!

Во всякомъ же случаѣ, если бы въ обла-

стяхъ Россіи и дошло до поголовныхъ возстаній крестьянъ съ захватомъ земель и фабрикъ, то трудно понять, для чего бы была нужна тогда санкція центральнаго революціоннаго временнаго правительства? Если бы же такого захвата не произошло, то никакой декретъ временнаго правительства не въ состояніи его предписать, такъ какъ вообще радикальнѣе перемѣны быта и понятій декретами производиться не могутъ *). Для этого нѣтъ силъ даже у правительства постоянныхъ, а тѣмъ болѣе у временныхъ. У временнаго же революціоннаго правительства въ Россіи, опирающагося только на центры, т. е. на столицы,—допустивъ даже, что оно будетъ имѣть на своей сторонѣ все фабрично-рабочее населеніе столицъ и даже часть арміи (т. е. въ столицахъ гвардіи!), — у такого временнаго правительства въ Россіи не можетъ быть силы не только навязать всему населенію Россіи радикальную экономическую перемѣну, но даже, — говоря языкомъ «Народной Воли», — «уяснить народу истинный смыслъ требованій революціонеровъ и ограбить крестьянскую среду (т. е. всю Россію) отъ реакціонныхъ попытокъ враговъ народа». Чтобы не обольщаться подобными мечтами, достаточно только вспомнить цифры населенія столицъ въ Россіи сравнительно съ населеніемъ всей страны.

На основаніи всего сказаннаго, мы думаемъ, что тѣ социалисты въ Россіи, которые пришли ужъ къ мысли о необходимости политическаго переворота для болѣе успѣшнаго направленія и дѣла переворота социально-экономическаго, поступили бы наиблагоразумнѣе, если бы и не обольщались надеждами на возможность одновременнаго пехода обоихъ переворотовъ, а тѣмъ болѣе мечтали о возможности направлять ходъ социально-экономическаго переворота мѣропріятіями центральныхъ временныхъ правительствъ (декретами, комиссарами и т. п. подражаніями способамъ дѣйствія консервативной бюрократіи), а направили бы свои усилія къ тому, чтобы способствовать по крайней мѣрѣ произведенію дѣйствительнаго политическаго переворота, т. е. установленію дѣйствительной политической свободы, которая бы дала возможность и будущей организациіи чернорабочихъ массъ, городскихъ и сельскихъ, и союзу съ ними образованныхъ социалистовъ. Такая свобода дается только ослабленіемъ централистической государственной власти, разрушеніемъ ея бюрократической машины и установленіемъ учреждений, обеспечивающихъ права лицъ и группъ и самоуправленіе общинъ и областей, а вовсе не перемѣнами центральныхъ государственныхъ учреждений или царскихъ въ парламентскія, хотя бы даже и въ республиканскія, тѣмъ болѣе, что такіа перемѣны — съ сохраненіемъ машины власти — рѣдко удерживаются въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ устанавливаютъ центральныя революціи, и что почти всегда сохраненная или даже усовершенствованная революціей централизованная машина власти въ самомъ пе-

продолжительномъ времени поворачивается противъ революціи.

Конечно, стать на рекомендуемую нами точку зрѣнія на дѣло политическаго и социального переворота въ Россіи—значить признать взгляды, къ которымъ въ русскихъ революціонныхъ и даже вообще въ радикальныхъ кругахъ привыкли прикладывать малопочетную кличку «постепенности», которое приравнивали, совершенно несправедливо, къ щедринскому: «погодить!» Но что же дѣлать, если исторія говоритъ громко въ пользу того, что люди совершенствуются только въ извѣстной постепенности? Вѣдь и самое обращеніе значительной части русскихъ социалистовъ, и при томъ наиболѣе активной ихъ части, отъ прежняго «чистаго социализма» къ борьбѣ за приобрѣтеніе политической свободы есть ни что иное, какъ признаніе этой постепенности. Надо же быть логичнымъ до конца и признать, что для нашего времени, для т. н. народнаго дѣла выигрышъ будетъ большой, если Россія получитъ хоть одну эту политическую свободу, которая обезпечитъ за всемъ населеніемъ элементарныя человѣческія права и дастъ друзьямъ массъ народа возможность систематическаго труда для ихъ блага *).

Централизациа же и свобода—вещи, взаимно другъ друга исключаютія. Заявленія, въ родѣ тѣхъ, какія теперь читаемъ въ «Народной Волѣ», — что централизациа необходима «въ первый моментъ революціонной борьбы, до приобрѣтенія прочныхъ результатовъ» и т. п., — ни что иное, какъ или софизмы, которыми тѣ элементы, какими и теперь, и впоследствии выгодна централизациа, заграждаютъ уста тѣмъ элементамъ, какими и теперь, и впоследствии она невыгодна, — или же самобманъ тѣхъ лицъ, которые думаютъ, что ходъ исторіи можетъ быть удержанъ ихъ благими личными намѣреніями.

Всякое явленіе, разъ сложившись, стремится упрочиться и въ настоящемъ, и въ будущемъ. Нигдѣ еще власть, централизациа, — съ бюрократіей и арміей, безъ которыхъ она немислима, — не подняла рукъ на себя. Въ перемѣны, какія по этой части представляеть намъ исторія, даже исторія революцій, состоятъ въ томъ, что сохраненная, или новообразованная машина централизованной власти переходитъ изъ однихъ рукъ въ другія, напр., изъ рукъ короля въ руки какого нибудь комитета, потомъ въ руки диктатора и т. п. Въ Россіи же централизациа, даже революціонная, тѣмъ опаснѣе для дѣла свободы, что въ этой странѣ, при неразвитости массы, всего скорѣе можно опасаться диктатуры вполнѣ реакціонной, даже послѣ временнаго усиленія революціи прогрессивной. А потому въ Россіи всякаго рода прогрессисты, а особенно социалисты, должны бы стараться подорвать принципы власти и централизации и въ практикѣ, и въ теоріи и основывать все свои планы и дѣйствія и до, и во время, и послѣ переворота на

*) Предположенія о такой возможности принадлежатъ тоже къ числу политическихъ суетврій, которыя на этотъ разъ особенно распространены въ бюрократическихъ классахъ.

*) Желательному постепенности, — которое вовсе не исключаетъ ни энергіи, ни самоотверженія, — соответствовало бы и перенесеніе точки опоры политическаго и социального движенія въ Россіи съ чувства и вѣры на науку и расчетъ и съ «дѣтей» на «отцовъ».

принципъ противоположномъ: — децентрализа-
ціи и федераціи.

Міжніе, будто федерація ослабить силу
какого бы то ни было движенія, раз'єдиння
его, — совершенно невѣрно, равно какъ и
мнѣніе, будто централизація сама по себѣ
составляетъ силу и даже единство. Сила и
единство дается централиз. власти только
повиновеніемъ или сочувствіемъ областей,
при чемъ въ горячее время бываетъ недоста-
точно даже одного повиновенія. Примѣръ
этому мы видимъ на теперешнемъ положеніи
русскаго правительства, которое, кажется,
довольно централизовано, а однако жъ не въ
состояніи не только сдѣлать что либо поло-
жительное (в. л. а. с. т. ю вообще положительна-
го на свѣтѣ дѣлается очень мало), но не мож-
етъ даже защитить своихъ собственныхъ
агентовъ ни на окраинахъ, ни въ центрахъ.
Круги же революціонные, даже имѣющіе въ
виду образовать изъ себя правительственный
корпусъ, не могутъ претендовать на повино-
веніе себѣ, а, слѣдовательно, должны расчи-
тывать главнымъ образомъ на сочувствіе къ
себѣ*). Сочувствіе же это можетъ быть тѣмъ
шире, чѣмъ ближе революціонеры станутъ къ
разнообразнымъ элементамъ населенія, чѣмъ
болѣе будутъ ближе центральное революціонное
правительство,—если оно окажется нужнымъ по
ходу дѣла, или просто возникнетъ изъ этого
хода, — чѣмъ болѣе оно образуется процес-
сомъ федеративнымъ, снизу вверхъ, а не
централизационнымъ, сверху внизъ. Вотъ по-
чему въ революціяхъ, наиболѣе, казалось бы,
безнадежныхъ, по первоначальной слабости
возстававшихъ элементовъ, торжество возста-
нія достигалось именно децентрализационнымъ
и федеративнымъ путемъ: такимъ путемъ
отбились отъ сильныхъ сосѣдей кантоны Швей-
царіи, такъ освободилась отъ Испаніи феде-
рація земель Голландіи, отъ Англіи Соеди-
ненные Штаты Сѣверной Америки, такъ
одолели арміи Наполеона I провинціальныя
союзы (хунты) Испаніи и т. д. Любопытно,
что даже въ наступательной войнѣ 1870—
71 гг. даже такъ повсюду федеральная Гер-
манія побѣдила строго единую Францію.

Именно централизация и ослабляет общественные силы, принижая личную и областную инициативу, изолируя ближайшіе между собою элементы, заставляя ихъ ждать указаний отъ далекаго центра; именно централизация и разъединяетъ силы, порождаетъ несогласія, такъ какъ съ свойственно стремиться къ подведенію всѣхъ разнообразій подъ одну шаблонъ, возводитъ второстепенные вопросы въ первостепенные, сдѣлываетъ средства и формы съ цѣлями и т. п.,—и тѣмъ вызываетъ раздраженіе между силами, которыя безъ того дѣйствовали бы въ одномъ направленіи. Всѣ сепаратизмы—порожденія централизаций; всѣ несогласія между близкими по сущности и различными только по частностямъ партіями вызываются обыкновенно централизационными инстинктами партій, заставляющими ихъ выдавать свои частности за что-то общезначительное. И замѣчательно, что эти централизационные инстинкты съ особенною силою пробуждаются въ централизованныхъ

странахъ именно у правительствъ «временныхъ», которыя тотчасъ же по своему образованіи стремятся копировать (точно дѣти стариковъ) правительства старыя. (Изъ множества примѣровъ изъ исторіи французскихъ революцій укажемъ, напр., на отношеніе Гамбетты, — тогда что ни на есть радикала, — къ лѣнѣ южныхъ департаментовъ національной защиты въ 1870 г., которую, лигу, тогдашніе гамбетташцы объявили болѣе опасною для Франціи, чѣмъ сами пруссаки, потому только, что она сложилась, не дожидаясь приказа парижскаго временнаго правительства, и хотѣла сама и по своему собирать средства для борьбы съ пруссаками, притчѣмъ вовсе не отказывалась предоставлять эти средства въ распоряженіе общаго же правительства Франціи, хотя бы и парижскаго, или его делегаціи въ Турѣ).

Кроме этих и подобных общих соображений, которые говорят против централизованных доктрин сотрудников «Народной Воли», частные условия жизни в России не менее сильно свидетельствуют в пользу непригодности именно в этой стране централизации не только для упрочения и сохранения свободы (что централизация, как постоянная система, несогласна с свободой, это, кажется, еще думают и петербургские «народновольцы»), но не годится и для рѣшительного приступа къ получению свободы посредствомъ революціоннаго нападенія на теперешнее правительство.

Споръ памѣ съ «пародновольцами» по этому вопросу, послѣ статей въ 8—9 № «Н. В.», значительно облегченъ тѣмъ, что въ этихъ статьяхъ вопросъ о борьбѣ съ правительствомъ поставленъ вовсе не на точку зрѣнія т. наз. терроризма, а на точку зрѣнія дѣйствительной революціи. «Терроризмъ», — т. е. политическія убійства или, если кому угодно, казни (les exécutions, а не les assassinats), и дворцовые перевороты, можетъ быть, и требуютъ своего рода централизаціи (весьма, впрочемъ, ограниченной, тѣмъ болѣе, что въ такихъ дѣлахъ много значить иногда личная отвага и инициатива), — но, такъ какъ дѣйствіе такого терроризма весьма поверхностно, то сторонникамъ существенныхъ перемѣнъ въ политическомъ строѣ собственно не зачѣмъ много и толковать о «терроризмѣ», особенно если онъ не проповѣдывается, какъ универсальная и, тѣмъ наче, единая мѣра, какъ это пробовали проповѣдывать нѣкоторые прокламаціи и особенно заграничныя брошюры и статьи русскихъ революціонеровъ *). Въ разбираемыхъ нами статьяхъ «Пародная Воля» говоритъ уже не о терроризмѣ, а объ организаціи прямого и, конечно, широкаго нападенія на теперешнее правительство въ Россіи.

Вотъ тутъ то намъ и кажется, что въ новыя соображенія «Народной Воли» перенесено слишкомъ много конспираторско-централистическаго элемента изъ прежняго «террористическаго» круга идей ея друзей и что

*) Очень важно, что уже Желябовъ во время своего процесса отрицалъ партійное значеніе упомянутыхъ брошюръ, — а Сухановъ въ своей рѣчи, напечатанной въ 35 № «В. С.» сталъ на точку зрѣнія, толкѣ отрицающую принципиальное значеніе терроризма. То же и въ рѣчи Исаева, напеч. въ 36 № «В. С.».

революціонно-централістическіе расчеты «Н. В.» совсѣмъ не соображены съ реальными условіями Россіи. Врядъ ли мы очень ошибемся, если, на основаніи выписанныхъ выше (въ 37 № «В. С.») строкъ петербургской революціонной газеты, представимъ себѣ, что она предполагаетъ возможность организаціи въ Петербургѣ или въ Москвѣ чего то въ родѣ Парижской Коммуны 1871 г., болѣе или менѣе социалистической, только съ атрибутами парижской же политической Коммуны 1792—93 гг., на которую бы опиралось революціонное правительство, господствующее не только надъ общиною (коммуною) столицы, но и надъ всею Россіею. Но къ сожалѣнію, или къ счастью, Петербургъ въ Россіи отнюдь не то, что Парижъ во Франціи, — не то, ни по числу населенія, абсолютному и относительному, ни по составу его (числу арміи, чиновниковъ и т. п.), ни по его характеру и степени развитія. Возстаніе петербургскаго пролетаріата (если бы онъ даже и способенъ былъ теперь возстать прямо противъ монархіи), не поддержанное возстаніями въ провинціяхъ, имѣло бы не больше практическаго значенія, кѣмъ и возстаніе въ любой деревнѣ. Если монархія подавитъ это возстаніе, — а для этого у нея достаточно силъ въ гвардіи, самой безпечной, части російскаго воинства, — и если при этомъ уничтожить хоть бы весь гражданскій элементъ населенія Петербурга, то остальная Россія, особенно Россія простонародная, врядъ ли и почувствуетъ ампутацію этого незначительнаго и въ добавокъ окруженнаго пустынными нароста на громадной и разнообразной по составу населенія страны *).

Очевидно, что столично-центральное воз-
станіе имѣло бы въ Россіи какія бы то ни
было шансы успѣха, только если бы оно со-
провождалось возстаніемъ по крайней мѣрѣ
всей прилегающей къ столицамъ области. Но
въ этомъ отношеніи важно то обстоятельство,
что монархическія преданія въ Россіи осо-
бенно сильны именно въ центральной велико-
коруской области, въ которой они, конечно,
сильнѣе, чѣмъ не только, напр., въ Польшѣ,
Украинѣ, на Кавказѣ, но даже, чѣмъ въ
Низовомъ Поволжьи и въ Сибири. Если гдѣ
въ Россіи коренятся условія возникновенія
— говоря языкомъ «П. В.» — Ванден, то
именно въ Великороссіи, и, быть можетъ,
прямо въ Москвѣ, — а вовсе не на окраинахъ,
особенно западныхъ и южныхъ. О Польшѣ
скажемъ дога и распространяться: Польша
могла бы быть, если не Вандеей, то убѣжищемъ
династіи только тогда, когда бы революціей
въ Россіи приняла централистическій и за-
тѣмъ неизбежно великорусскій, а далѣе также
неизбѣжно обрусительный характеръ, — и
когда бы поляки сочли для себя выгоднымъ
столковаться съ династіей Романовыхъ, по-
добно тому, какъ разные народы Австріи,
угрожаемые централизмомъ нѣмецкихъ и вен-
герскихъ либераловъ и революціонеровъ въ
1848—49 гг., предпочитали столковываться
съ династіей Габсбурговъ. Вообще Польша
никогда на всероссійскую централизцію не

*) Мы не останавливаемся на томъ, что за-
временное заявленіе претензій на такое повиновеніе
можетъ только сдѣлать смѣшными претендентовъ.

*) Напоминимъ, что рабочее населеніе Петербурга пополняется преимущественно изъ самыхъ сѣверныхъ губерній, съ населеніемъ разрывѣннымъ.

пойдет. Конечно, теперь, пока революционное движение в России имеет только отрицательное значение, поляки (преимущественно молодежь) могут принимать участие во всяких готовых русских революционных кругах, но никогда ни польская интеллигенция, ни польская масса не откажется от автономии своей страны и при первом удобном случае поднимет ее знамя, — так что, если бы, напр., в Петербурге действительно образовалось временное правительство, которое обратилось бы к населению России с призывом прислать представителей в земский собор, то поляки, по всей вероятности, образовали бы свое временное правительство, а далее свой сейм в Варшаве *).

Что касается до Украины, то, так как ее независимость была подавлена еще в к. XVII в., и так как, вследствие этого, значительная часть ее интеллигенции, наряду со своей массой народа в этой стране, оторвалась от украинской национальности, то, конечно, овладевшую часть украинской интеллигенции не так трудно привлечь к всеобщей центральной программе, — но только от этого привлечения всего меньше можно ожидать пользы для дела свободы в России. Все таки из всех т. наз. русских областей в России монархический идеал все-го слабее, а республиканский всего сильнее — на Украине; все таки в последнее время народные массы проявляют наиболее духа протеста именно в этой стране: и аграрными волнениями, и городскими движениями против полиции, и, наконец, против еврейскими беспорядками, которые теперь имеют дикий характер, но которые можно бы было направить и на более разумную дорогу. А столично-централистическая программа именно эту страну и лишает корня наиболее сознательных и организованных борцов за свободу! А так как всем известно, что именно украинская область дала громадный, даже абсолютно, а тем более относительно, процент членов всех русских революционных кругов и средств для них, — то выходит, что столично-централистическая программа революционной организации в России предлагает интеллигенции, вскормленной трудом населения Украины, не только продолжение несправедливого и во многих отношениях просто позорного перед историей разрыва с населением своей родины, — но и безплодную гибель в стране, которая гораздо более способна стать Вандеей, чем эта «окраина»!!

Мы считаем выселение известной части украинской интеллигенции в Великодержию

(через столицу) делом не только фатальным, с которым надо примириться, раз когда судьба связала Украину с московским государством, но даже полезным с общевосточной культурной точки зрения. Теперешнее участие украинских уроженцев в великорусских революционных кругах мы считаем явлением, аналогичным с переселением украинских духовных, учителей и писателей в Московию XVII—XVIII в. Великодержия, вследствие своего географического положения и истории (в том числе, благодаря московской централизации и разрозненности культурных пунктов, как Новгород и Псков, быть может, более, чем даже татарским набегам) так отстала от европейского мира, что не могла бы скоро войти в его колею без помощи имплементной иммиграции, в которой украинцы играют роль наиболее родственного для великорусского элемента, который поэтому может скорее, чем более далекие иностранцы, ослабить московское православие и самодержавие и усилить кадры туземных прогрессистов **. Но слишком большая эмиграция ослабит силы страны, из которой она исходит, а тот моральный абсентизм, какой, особенно будучи поддержан правительственными обрусительными мерами, стала признаком украинских высших классов, — парализирует все усилия украинских масс к улучшению своего материального и правового положения **). Этому ненормальному состоянию Украины (которую мы в данном случае берем, как образец положения, в каком находится и многие другие области России: Литва, Белоруссия, Бессарабия, отчасти Закавказье) может быть положен конец только автономией страны, каковая автономия поставит здесь лицом к лицу массу народа и интеллигенцию и заставит последнюю служить первой. Централистическая программа «Народной Воли» вовсе не обещает такой автономии. Она не показывает даже в будущем ничего определенного, кроме всеобщего или, как говорит «Н. В.», «общерусского» земского собора, который займет место временного революционного правительства, после того, как оно само займет место нынешнего императорского правительства. Уже этот всеобщероссийский собор, — который, конечно, «Нар. Воля» считает вполне самодержавным (по крайней мере мы нигде не читали в исан-

*) Украинская иммиграция в Великодержию совершается, между прочим, через учебные заведения, искусственно сосредоточенные в столицах. Там украинская молодежь окончательно отбывает от своего края и народа. Почему же Украина дает очень большой процент учащейся молодежи, это объясняется между прочим присутствием в этой стране многочисленного мелкопоместного дворянства и других соответствующих ему слоев населения, которых нет в Великодержии. Заметьте, что простонародные украинские вовсе не эмигрируют в Великодержию, — кроме разве, и то в ничтожном количестве, на дальний юго-восток.

**) Мы позволим себе сослаться к нашим книгам, «Передняя Слово до Громады» и «Нова українська пісня про громадські справи» (1761—1880), где, кому бы показала парадоксальная мысль, что на Украине с XVIII в., когда ополченная и овладевшая интеллигенция почти поголовно отказалась служить массе народа, сама эта масса усилилась продолжать прогрессивную историю страны: крестьянскими восстаниями, эмиграцией, восстаниями против польских революций, аграрными волнениями, ибенью, повелюю, сатирю, итудю и т. д.

ях народных волеизъявлений указаний на что либо, ограничивающее власть этого будущего государя России), — предоставить «отдельным народностям» (конечно, тем, какие этот собор признает за отдельными, или даже, по другому выражению «Н. В.», за «исторически сложившимися»), — предоставить «право определять свою политическую связь с целым (непрерывно с целым!) государством», — и сделать эту уступку «только тогда, когда будут установлены (конечно, все таки им, новым самодержцем всей России) общия основы нового строя» (которые опять таки ему, собору, угодно будет признать за таковыми), — иначе говоря, «отдельные народности» или, что все равно, разные области, ныне поработанные все таки великорусскому государству и безконтрольно управляемые императорскою бюрократиею, получат автономию только тогда, когда это найдут нужным новый самодержавный властелин всех народов и областей России, и, конечно, получать только такую автономию, какую захочет отпустить им этот властелин.

Судя по всему, что делал на свете всевластный, коллективный, как и личные, — ожидать народам и областям России даже этого тогда пришлось бы долго.

Слова эти, — если бы теперешний русский самодержец, по собственной или инициативе, или уступая напору общественного мнения, согласился созвать хоть самый плохой земский собор, хотя бы из делегатов теперешних земств, — это был бы шаг вперед, который бы был принят радостно во всех областях России. Но и тогда первое дело этого собора должно бы быть установление неприкосновенности и свободы лиц, групп и национальностей, а также самоуправления областей, т. е. установление прав основных и для элементов реальных, — прав неприкосновенных и неотчуждаемых ни для кого и ни для чего, в том числе и для т. наз. целого государства, которое, сравнительно с этими элементами, есть фикция. Если же слышать наций и областей России надо будет лить свою кровь в революцию, то бы добиться представительного правления, то приобретение самодержавного всеобщероссийского земского собора, в котором гегемония непременно достанется великоруссам, особенно центральных областей, слишком малое вознаграждение за кровь для населения великорусских «окраин». Если уже добиваться революционных земских соборов, то окраинам этим всего естественно иметь свои, области и еоборы, которые уже от себя устанавливают «общия основания политического союза целого государства», если найдут это нужным. К тому же только прочное установление областной свободы, положив непереходимые ограничения для центральной власти, может оградить и всю Россию от пост-революционной реакции и распространения на всю Россию диктатуры вандейской контр-революции, каковая, повторяем, скорее может организоваться в центральных областях московского государства, чем в менее монархических окраинах России.

*) После того, что мы говорили в статьях «Историческая Польша и Великодержия Демократия», мы считаем излишним останавливаться здесь на том, какие осложнения вызовет такой шаг польских автономистов, среди которых, конечно, окажется много сторонников «исторической» Польши, т. е. Польского государства с Литвой, Белоруссией и половиной Украины, и как может воспользоваться «историческими» польскими стремлениями социальная реакция в Польше и политическая в Москве, — а равно и на том, что единственное средство вынудить из всяческих затруднений и предупредить обр. реакции, состоит — в выработке для всего Востока Европы федерально-демократической программы, независимо от всяких «исторических» централизаций, польских и российских.

Впрочем, говоря это, мы собственно забываем, слишком далеко вперед, так как, вследствие указанных выше различий в истории разных областей России, самая идея о противу-монархической революции в ней гораздо легче найдет себе сочувствие именно в великорусских ее окраинах *). Какой же после этого смысл иметь столично-централистическая программа революционной организации, предлагаемая «Народною Волею»? И не гораздо ли более подходит к России федеральная система даже и в первый момент движения, тем более, что в таком случае будет гораздо больше шансов, что и в результате движения получится федерация же, которой в идеале пока еще не смѣют отрицать даже самые откровенные русские якобинцы?

Если заходить рѣчь о подготовительных организациях для произведенія в России политическаго переворота, то, по нашему мнѣнію, наиболее целесообразнымъ приступомъ къ нимъ было бы образованіе областныхъ революционныхъ комитетовъ, которые, конечно, должны войти въ союзъ между собою. По обстоятельствамъ дѣла, эти комитеты могутъ оказывать особенную помощь комитетамъ столичнымъ, но безъ всякихъ апріорныхъ уступокъ централистической программѣ ни до, ни во время, ни послѣ переворота. Если же, — какъ слѣдуетъ думать, потому что вотъ уже нѣсколько лѣтъ въ Россіи произносятся имя «исполнительнаго комитета» или «комитета» «Народной Воли» — въ Россіи уже существуетъ организация, которая уже по фактическимъ условіямъ, хотя, напр., по отсутствію конкурентовъ и т. п., получила значеніе всероссійское **), — то наиболее целесообразнымъ было бы образованіе около этой организации все же областныхъ комитетовъ или, если хотите, субъ-комитетовъ, на первыхъ порахъ хотя бы только для мѣстныхъ, которыхъ оригинальности очевидно и которыя дали уже не мало членовъ и для русскихъ революционныхъ круговъ, — напр., образованіе комитетовъ для центральныхъ, низовыхъ и уральскихъ областей Великороссіи, для Польши, для Украины, для Кавказа. За тѣмъ не замедлили бы образоваться комитеты для Литвы, Бессарабіи, Бѣлороссіи, Остзейскихъ провинцій и т. п. Если бы эти комитеты на первыхъ порахъ и не сдѣлали ничего, кромѣ указанія мѣстныхъ условій и зацѣнокъ для пробужденія въ населеніи ихъ областей мысли о необходимости политическаго переворота, то и тогда они принесли бы огромную пользу. Но, конечно, на этомъ дѣло не остановилось бы.

Дальнѣйшій успѣхъ переворота зависѣлъ бы въ значительной степени отъ умѣнья и энергіи областныхъ комитетовъ, а дальнѣйшее согласіе этихъ комитетовъ между собою и съ комитетомъ центральнымъ, если бы таковой найденъ былъ нужнымъ, — зависѣло бы, главнымъ образомъ, отъ степени искренности признанія всѣми ими, въ томъ числѣ и комитетомъ централь-

нымъ, принципа равноправности всѣхъ народовъ, историческихъ и неисторическихъ, а также принципа автономіи областей, — однимъ словомъ, принципа федеральнаго, — и отъ степени умѣнья центрального комитета различать солидарность, — вещь необходимую, — отъ централизаціи, — вещи излишней или даже прямо вредной.

М. Драгомановъ.

ДОКУМЕНТЫ,

ХАРАКТЕРИЗУЮЩІЕ ВЗАИМНЫЯ ОТНОШЕНІЯ ВЛАСТЕЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХЪ АДМИНИСТРАТИВНО-ССЫЛЬНЫХЪ.

I.

Въ Правительствующій Сенатъ Россійской Имперіи просьба Василія Сидорацкаго.

28 марта 1881 г. я получилъ требованіе отъ полиціи г. Кургана явиться къ присягѣ на вѣрнопопданство нынѣ царствующему въ Россіи Государю Императору Александру Александровичу. Требованіе это я нахожу противорѣчащимъ манифесту Государя Императора отъ 1 марта 1881 г., въ которомъ сказано, что крестьяне въ настоящее время призываются къ присягѣ на томъ основаніи, что они, послѣ освобожденія отъ крѣпостной зависимости, получили «права свободныхъ сельскихъ обывателей съ распространеніемъ на нихъ дѣйствія общихъ законовъ». Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ этимъ словамъ, я признаю разумнымъ не только ихъ, но и всѣ выводы, вытекающіе изъ нихъ. А прямой выводъ изъ нихъ таковъ: если бы крестьяне, а равно и не крестьяне, не были свободными обывателями и не находились подъ дѣйствіемъ общихъ законовъ, то они и не призывались бы къ присягѣ. И такъ, повторяю еще разъ: Манифестъ призываетъ къ присягѣ только свободныхъ обывателей, находящихся подъ дѣйствіемъ общихъ законовъ.

Теперь вопросъ, кто я такой? Свободный ли я обыватель?

Мой отецъ былъ потомственнымъ дворяниномъ въ Россійской Имперіи, моя мать была законной женой моего отца. На основаніи русскихъ законовъ я долженъ наслѣдовать дворянское званіе моего отца, а, значитъ, и права свободного обывателя. Главнѣйшія и существеннѣйшія права свободного обывателя состоятъ въ томъ, что: законъ гарантируетъ ему свободу, до тѣхъ поръ пока онъ не совершитъ тяжкаго преступленія, ограждаетъ святость его семейнаго союза и защищаетъ его имущество. Я лишенъ свободы, моя семья разрушена, имущество мое конфисковано III-мъ отдѣленіемъ *) и сверхъ того мнѣ воспрещено заниматься какими дозволенными закономъ работами, къ которымъ я спеціально приготовился. Я не имѣю права ни на шагъ удалиться изъ г. Кургана, меня спой уводятъ за 3000 верстъ отъ моей семьи и не позволяютъ даже писать

написать моей женѣ безъ предварительнаго просмотра его посторонними для меня людьми. Ясно, что я не могу считаться ни дворяниномъ, ни свободнымъ обывателемъ.

Моя крѣпостность въ Сибири наводитъ меня на вопросъ: не лишенный ли я всѣхъ правъ состоянія ссыльно-поселенецъ? И я обращаюсь къ русскимъ законамъ, разсматриваю законоположенія относительно лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія ссыльно-поселенцевъ и нахожу полное сходство ихняго положенія съ моимъ; въ одномъ только различіи: ссыльно-поселенцу оставлена надежда на постепенное пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ правъ, сначала права свободно двигаться по своей губерніи, а потомъ и по всей Сибири. Мнѣ этой надежды не оставлено, я прикѣпленъ къ г. Кургану безъ срока. Ясно, что я не ссыльно-поселенецъ, тѣмъ болѣе, что это наказаніе налагается только судомъ и при томъ за совершенное преступленіе.

И такъ, меня нельзя причислить ни къ свободнымъ обывателямъ (высшая степень русскаго подданства), ни къ лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія ссыльно-поселенцамъ, (низшая степень русскаго подданства). Значитъ, я волею судьбы поставленъ внѣ русскаго подданства, т. е. я иностранецъ.

Да, я, должно быть, иностранецъ! и нечуждо иностранецъ! Русское государство не признало меня свободнымъ обывателемъ и не приравнило меня даже къ лишеннымъ всѣхъ правъ ссыльно-поселенцамъ оно отказалось, болѣе, чѣмъ отказалось, защищать мою свободу, семью и имущество. Но свободный ли я иностранецъ? Нѣтъ, не свободный. Будь я свободный иностранецъ, я имѣлъ бы право удалиться изъ Россіи и, надѣюсь, нашла бы цивилизованная страна, пожалуй, и не одна, которая признала бы меня своимъ честнымъ гражданиномъ. И этого права не имѣю. Значитъ, я военнопленныи иностранецъ. Но какой націи, гдѣ мое отечество, во время какой войны я взятъ въ плѣнъ, заключенъ ли миръ съ моимъ отечествомъ, и, если заключенъ, то почему, при обмѣнѣ пленныхъ, я не возвращенъ своимъ соотечественникамъ? Для рѣшенія этихъ вопросовъ нѣтъ у меня данныхъ. Но положеніе военнопленнаго крайне невыносимо. Пить лѣтъ я въ этомъ положеніи!....

Я всенепорочно прошу Русскій Правительствующій Сенатъ принять меня въ число русскихъ подданныхъ, т. е. объявить меня свободнымъ русскимъ обывателемъ, стоящимъ подъ охраною законовъ, тогда я, получая всѣ права свободного обывателя, съ охотою приму и всѣ обязанности его. Если же Правительствующій Сенатъ не согласенъ принять меня въ русское подданство, то не найдетъ ли онъ возможнымъ дозволить мнѣ удалиться изъ Россійской Имперіи для розысканія себя отечества?

По моему, государственная присяга есть наложеніе на себя нѣкоторыхъ обязательствъ вмѣстѣ съ принятіемъ нѣкоторыхъ правъ. Поэтому требованіе отъ меня присяги равносильно признанію меня свободнымъ обывателемъ страны. Вѣрно ли мое предположеніе? Отъ Правительствующаго Сената я жду рѣшенія этго вопроса. Если высшая законода-

*) Кромѣ ссылки на исторію и на этнографическіе матеріалы, сошлемся даже на корреспонденцію изъ Украины въ самой «Народной Волѣ» и «Черномъ Передѣлѣ» 1881 г.

**) О старомъ «исполнительномъ комитетѣ» 1878—1880 гг., впрочемъ, еще вопросъ, — можно ли назвать его столичнымъ, или даже русскимъ — великорусскимъ, — по составу и даже по мѣсту его дѣятельности.

*) До сихъ поръ не обращено вниманія на то, что книги и рукописи, забираемыя при обыскахъ, — также имущество и иногда единственное цѣнное имущество преслѣдуемаго за убѣжденія. Ред.